

* * *

Всё, что было когда-то, —
странно, честное слово.
«Я была виновата!..» —
словно крик из былого.

За ошибки расплата —
не моё возвращенье.
«Я была виновата...» —
как мольба о прощенье.

Грозового раската
звуки гулки и грубы.
«Я была виновата...» —
стон сквозь сжатые губы.

«Я была виновата...»
Жизнь прошла резче мига
от последнего взгляда
до первого крика.

Но напрасно не надо
вспоминать то, что было.
Разве ты виновата,
что меня не любила?..

* * *

Ещё пока не взведены
курки дуэльных пистолетов,
и тени вечные поэтов
не поселились в царстве тьмы.

Ещё под куполом небес
не остудило солнце жара,
ещё не вздрогнул зимний лес
от выстрела, как от удара.

Ещё он пишет. Скрип пера...
«Я помню чудное мгновенье...»
Необъяснимое волнение
не говорит ему «пора!..»

Звон колокольчика вдали
тревожит странною тоскою.
Ещё пока и Натали
не стала госпожой Ланскою.

Его вольна, как прежде, речь,
и в списках тайные «Ноэли».
Совсем недолго до дуэли
от роковых случайных встреч.

Так мы живём и дышим всласть,
судьбой согретые, любовью,
чтобы потом на снег упасть,
своей его окрасив кровью...

* * *

Много разглядели нехорошего,
научились бойко говорить.
Очень больно за ошибки
прошлого —
дай нам Бог его не повторить.

Все давно разложено,
расставлено.
Угольком, без всяческих прикрас

на стене был четко — профиль
Сталина.
А под ним: «Как верили мы
в вас...»

Может, этим зарево кровавое
кто-то оставляет позади?
И медали: «Наше дело правое»
скоро ветеран сорвёт с груди?

Всем разоблачениям в угодину
он понять не в силах одного:
в бой ходил за Сталина и
Родину...
А выходит, зря, что за него?

И старушка из села укромного
в толк ещё не может взять пока,
Как хранила грамоту Верховного
рядом с похоронкой на сынка.

Овладев основами риторики,
гневом наполняем мы сердца:
вы когда же, мудрые историки,
правду разъясните до конца?

Заменили время мы безвременьем
и о прошлом реже видим сны.
Чью-то надпись «Как же мы в
вас верили...»
летний дождь смывает со стены...

* * *

Сложно быть не таким, как все.
И за это судьбу браня,
белкой крутишься в колесе
всё быстрее день ото дня.
Не обманываешь, не предаёшь,
а мотаешь, мотаешь круги...
Даже страшно подумать —
живёшь,
не оглядываясь на других.

Ни пророчества, ни знамения
не изменяют дальнейший путь.
А сомнения — не сомнения,
если только иначе взглянуть.

Потому-то земля загадочна,
что столетия там и тут
и пророков на ней достаточно,
и хватает с лихвой иуд.

Что столетья воюют и ссорятся —
кто с ножом, а кто без ножа.
Значит, вряд ли душа успокоится
оттого, что она — душа.

Пытка вечная — муки творчества
наказанием за грехи.
И сомнения, и пророчества,
и отчаянье, и стихи...

АЛЕКСАНДР БЛОК

1

Как с распятия сошедший Бог,
брёл по тёмному городу Блок...

И, теряясь в седой пустоте,
понимал: что-то в жизни не так.
Богу надо висеть на кресте,
а не шествовать ночью в кабаки.

И, предчувствуя мрачный итог,
то ли Блок загрузил, то ли —
Бог...

2

Заря свободы отпылала.
Остались только смрад и гарь
там, где он видел рябь канала,
аптеку, улицу, фонарь.

И налетала тьма с разбега
на белой ночи бледный свет.
Но где, скажите, та аптека?
Её давно в помине нет!

Лёд, как империи обломки,
качался в стынущей воде.
Куда исчезли незнакомки?
И вся Россия нынче где?

Он шёл в распахнутой шинели,
как будто плыл на край земли.
И соловьи уже не пели,
забыв о том, что — соловьи.

Кровавой пьянкой стала свадьба.
Швыряя искры в облака,
горела старая усадьба
венцом свободы мужика!

Была пустынной дорога.
Был далеко ещё рассвет.
Россия Александра Блока
ему смотрела скорбно вслед...

ВСТРЕЧА

В глаза царю смотрел поэт
без страха вовсе.
Вопрос — ответ, вопрос — ответ,
как на допросе.

Наперекор шальной судьбе
взял, будто в клещи.
«...Я, Пушкин, слышал о тебе
дурные вещи.

Пора б тебе сменить свой пыл
на покаянье.
Скажи мне, Пушкин, где б ты был
в часы восстанья?!»

И промолчать никак нельзя
под цепким взглядом:
«Там были все мои друзья.
Конечно, рядом!..»

В покоях царских ни души.
Но что за чудо?
«Ступай же, Пушкин, и пиши...
Пиши покуда...»

Ещё двенадцать быстрых лет
отплачут свечки.
Ещё аукнется ответ
у Чёрной речки!

ПРОВОДЫ

Мать в дорогу напекла пироги,
подвязала их в котомке к седлу.
— Ты, соколик мой, себя
береги!
А соколик уходил на войну...

Оттого и на Руси недород,
что из года в год — казак
в стремена!
Пригорюнившись, стоит у ворот
чернобровая молодка жена.

Отпулял станичник вешнюю ночь.
Захмелел и похмелился слегка.
В колыбели заворчалась
дочь —
не послал ему господь казака...

Бабы слезы — хоть святых
выноси!
То жена зайдётся в крике,
то мать.
Так веками повелось на Руси —
Провожая, сыновей отпевать.

За околицей — свинцовый туман.
На крестах церквушки —
стая ворон.
Но привстанет в стременах
атаман,
и поднимет пыль в степи
эскадрон.

А кому из них какой выпал
срок,
даже небо не пошлёт точный
знак...
Знает только лишь всевидящий
Бог,
где отмается душа твоя, казак!

ПОЭЗИЯ

А она ходила по краю.
Край был острый, она — босая.
А она ходила по краю,
от паденья меня спасая.

А она во мне находила,
что могу сорваться и спиться.
И ходила вокруг, ходила,
не пугаясь сама оступиться.

А она — все от ада к раю,
а потом по новой — обратно.
Для чего она ходит по краю,
было даже мне непонятно.

Непонятным было движенье
на балансе тоненькой грани.
Только в зеркале отраженье
и остатки вина в бокале.

Жизнь по новой переиграю,
не печалюсь, не раскисая.
А она всё ходит по краю.
Край, как бритва. Она — босая...